

Михаил Шлаен

ГОДЫ, КАК ПТИЦЫ

*Записки
спортивного репортера*

Издательство «ЧЕЛОВЕК»

Михаил Григорьевич Шлаен

Годы, как птицы... Записки спортивного репортера

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22873257

Годы, как птицы... Записки спортивного репортера: Человек; Москва;

2016

ISBN 978-5-906131-94-2

Аннотация

Эта книга – своего рода мемуары известного спортивного журналиста Михаила Шлаена. Естественно, большая ее часть посвящена спорту, с которым автор тесно связан более полувека. Накопленные годами воспоминания о различных резонансных событиях, в том числе возвращающих нас к истории отечественного спорта, его истокам, чередуются с рассказами о людях, ярких личностях, которые своими победами прославили страну, и с которыми автору довелось сталкиваться на протяжении всех этих лет. К сожалению, многих уже нет, но память о них светла. Вместе с тем книга не только о спорте. В частности ее страницы посвящены и военной теме, Великой Отечественной войне, что неудивительно: автор и сам ребенком пережил ее начало, и является сыном боевого офицера. Книга рассчитана на широкий круг читателей.

Содержание

От автора	5
Баскетболистка Клаудиа Кардинале	8
Чертовски вкусны вареники	14
Обшарпанная квартира	18
Дубленка раздора	21
Путешествие на голодный желудок	24
Стриптиз в храме культуры	28
Прикосновение к прошлому или эхо минувшей войны	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Годы, как птицы... Записки спортивного репортера

© М. Г. Шлаен, текст, 2016

© Издательство «Человек», 2016

*** * ***

От автора

Посвящаю с признанием любви жене и дочери

Не все, что хотелось, вошло в предыдущую книгу воспоминаний «Я и ТЫ», написанную в соавторстве с Ольгой Приходченко, по жизненному совместительству моей супругой. Потому не оставляла мысль продолжить. Я приглашал госпожу Приходченко поучаствовать в этом процессе семейного творческого сотрудничества и чем-то своим дополнить. Мадам отказалась, занята другой, как она считает, более важной работой на историческую тему. Я могу только пожелать ей удачи, а сам, находясь у финишной черты своего репортерства, главным образом спортивного, не в ущерб настоящему по большей части снова окунаюсь в прошлое с его радостями и печалью, следуя строчке из Омара Хайяма: «Дни жизни даже горькие цени». Поскольку в любом случае смысл каждого из них – в познании людей и мира. Где-то в глубине души понимаю, что писательством это не пахнет, но все равно, возможно, будет интересно и востребовано. Если нет – то останется дочери как память об отце. Мы ведь все не вечны на этой Земле.

Я сижу за столом под номером 01611613031, небрежно выведенным белой масляной краской... Так начиналась на-

ша с мадам Приходченко предыдущая книга.

Теперь не стол, а кровать за номером 13758 13 в девятой палате урологического отделения в Боткинской больнице. Сложнейшая операция по мужской части. Приступ случился на даче, обратиться с просьбой, срочно отвезти в Москву, было не к кому. Соседи или уже разъехались, или были навеселе, продолжали отмечать Первомай. Сам себя вез без малого четыре часа. Жуткие «пробки». Москва возвращалась с дач после майских праздников.

А ведь сколько было планов на 70-ю годовщину Великой Победы. Заготовил фотографии своих близких, чтобы пройти с ними маршем «Бессмертного полка», а потом, по традиции, отправиться либо к Большому театру, либо в Парк Горького. На вечер 9 мая Ольга собиралась созвать гостей и уже продумывала меню праздничного ужина. И все разом рухнуло. Палата на четверых, анализы, утренние осмотры, предоперационная подготовка. Саму операцию из-за продленных выходных перенесли на первый после них рабочий день. Домой в том виде, в каком я находился (не хочется распространяться – в каком, не слишком привлекательная картина, о которой легко догадаться), не отъедешь, отрывать друзей, нагружать их своими заботами и проблемами в канун такого праздника не хотелось. Что делать почти неделю? И тут меня осенило, я вспомнил ту санаторную осень в Евпатории. Ноутбук с собой, почему не напрячься и попробовать убить время, занявшись новыми набросками с надеждой дорабо-

тать их потом для очередной книги, продолжающей в определенной мере ту, прежнюю – «Я и ТЫ», но теперь, к сожалению, без «ТЫ».

Мысли, особенно ночью, роем носились в голове, факты наперегонки обгоняли друг друга. В другой раз заставил бы себя проснуться, записать, но сейчас мне не дозволено было излишне дергаться, и утром многие утекали, уплывали куда-то и с трудом возвращались, и то далеко не все. Но что-то все-таки проникло в сознание. Большею частью веселое.

Баскетболистка Клаудиа Кардинале

Смотрю в окно палаты, майское солнце настойчиво пробивается в него сквозь крону деревьев, окружающих наш корпус. Я вспоминаю другую палатку. Красную. Точнее – «Красную палатку». Фильм об экспедиции Умберто Нобиле на Северный полюс в конце двадцатых годов прошлого века. Генерал Нобиле хотел достичь его на дирижабле «Италия», высадиться на лед, как это совершила потом четверка наших отважных покорителей грозной Арктики во главе с Папаниным, мимо дома, в котором он жил, я прохожу каждый раз, гуляя по старому Арбату. У папанинцев, мы знаем, получилось, у Нобиле нет. И вот он, уже в старости, спустя много лет, собрав в своем воображении бывших участников экспедиции, мучается в сомнениях и догадках, правильно ли было все сделано, пытается понять, в чем была загвоздка, почему не удалось, что привело к крушению дирижабля и гибели людей. Тех, кто остался жив, спасли наши летчики и моряки. Это я так, коротко о содержании киноленты. В ней много переплетено человеческих судеб, сюжетных линий, одна из них – вспыхнувшая любовь между медсестрой Валерией Кристальди и гляциологом Мальмгренем, их роли сыграли Клаудиа Кардинале и Эдуард Марцевич. Впрочем, и без них

звезд экрана фильм собрал предостаточно: Шон Коннори, Питер Финч, Никита Михалков, Донатас Банионис, Виталий Соломин, Юрий Визбор...

Позвонила давняя приятельница, переводчица с итальянского, с которой нас свел международный кинофестиваль в Москве: «Михаил, не жаждешь увидеть Клаудиа Кардинале, могу и познакомить?»

– С кем-кем, с Кардинале? Разыгрываешь меня, что ли? – огорошила Алла меня своим предложением. – Она что, в Москве?

– Никакого розыгрыша, вполне серьезно. Сейчас посмотрю расписание. Ага, подъезжай к половине третьего, в три у них экскурсия.

Заманчиво, но как-то боязно. Кто Клаудиа, мировая кинозвезда, а кто я – по сути, новичок в журналистике, начинающий спортивный репортер.

Алла поведала, что только накануне группа вернулась из Эстонии со съемок картины об экспедиции Нобиле.

– Так там же сейчас, как передает прогноз, страшная холодина, за минус тридцать. Не замерзла?

– Я-то что, мы привыкли, а Клаудиа... Ты бы посмотрел на нее. Ну и отчаянная барышня. Они там по сценарию с Марцевичем в порыве любовной страсти обнимаются, целуются, кувыряясь в снежных сугробах, кубарем скатываются с горы в узкую расщелину. На Кардинале легкая шубка, правда, перед съемкой ее растерли спиртом и водочки дали

отхлебнуть, чтобы не закоченела. Все балдели, наблюдая за этой сценой. Никакого страха у Кардинале. Если бы один, а то несколько дублей сняли, пока у Марцевича что-то с ногой не случилось, сильно подвернул ее, а с Клаудии как с гуся вода, только снег с лица вытирала и слегка подпрыгивала в надежде согреться. Удивительно спортивная сеньора.

Стало еще более заманчиво и безумно интересно; откуда, судя по словам Аллы, у знаменитой киноактрисы такая спортивная прыть.

Когда я прикатил в отель, Кардинале сидела в холле, удобно устроившись в мягком кожаном кресле, и перелистывала какой-то журнал, кажется, это был «Советский Союз». На столике рядом с креслом лежала, видимо, та самая легкая норковая шубка. Лучи солнца, пробивавшиеся сквозь широкое окно с причудливыми рисунками-разводами от мороза, освещали ее лицо, словно и здесь лайтмастер постарался правильно выставить свет, как на съемочной площадке.

Я облачился в джинсы, купленные в подарок себе на день рождения у какого-то фарцовщика на Кузнецком мосту в тылу ЦУМа, и батник, буквально вырванный там же из рук другого представителя фарцоцеха, поскольку покушающихся на стильную рубашку made in France претендентов было немало. Если честно, нервная дрожь отбивала дробь всю дорогу, пока добирался до гостиницы. Я не знал, как вести себя со звездами кино, никогда с ними не общался, к зевакам, которые всегда окружают съемочную площадку, не относился,

в массовках не участвовал, хотя одно время жил по соседству с «Мосфильмом». В общем, не брал, не видел, не трогал. Но нервный тик тут же улетучился, когда, улыбнувшись, Кардинале протянула мне руку. Алла предупредила ее, что разговор коснется не профессии знаменитой итальянки, а... спорта, и это успокоило итальянскую гостью: все, что угодно, только не кино. Я почувствовал, смена пластинки оживила Клаудиу. Общение с «голевого» паса приятельницы было недолгим, вот-вот должен был подкатить заказанный экскурсионный автобус.

– А разве вы не знаете, что я увлекалась плаванием и много времени провела в бассейне? И тренировалась отнюдь не как обыкновенная любительница, – уже началом разговора Кардинале сразила меня наповал.

Темный я, откуда мне было знать, но – странное дело – неловкости от своей темноты не испытал, наоборот, Клаудиа, подогрев неожиданной новостью, подтолкнула к редкостной возможности разведать что и как. Свое детство и начало юности Кардинале провела с родителями-инженерами в Тунисе, которые переехали сюда из Сицилии, они и отвели Клаудиу в бассейн, совершенно не подозревая о ее способностях. Надо было чем-то занять дочь после школьных уроков, пока они на работе.

– Я высоко лежала на воде, тренер ухватился за это, еще ему нравилась моя координация, она у меня, наверное, от природы, – рассказала Кардинале. – Тренировки были в

охотку, я не уставала, более того, вошла во вкус после первой победы на каких-то детских соревнованиях.

Я смотрел на Кардинале, не мог оторвать от нее взгляда, да и внутренне любовался этой женщиной, в которой чувствовалась дворянская стать и кость. Красавица! Широко раскрытые жгучие глаза, абсолютно правильные черты лица, с которого не сходила, словно застыла обворожительная улыбка. А какая точеная фигурка с шикарным бюстом! Роскошные волосы, спадавшие на спину до лопаток. А как держалась! Никакой заносчивости кинодивы. Даже не знаю, кто бы выиграл конкурс красоты, соревнуясь она с Софи Лорен, Джиной Лоллобриджидой и другими знаменитыми и популярными итальянскими актрисами.

Кардинале, как мне показалось, еще более оживилась, когда разговор с общих деталей углубился в голубые дорожки, он, видимо, возвращал ее к тем счастливым годам, когда она на них блистала. Еще как блистала – неоднократная чемпионка Туниса и Африки!

Приятельница знаками показывала мне, что пора заканчивать, гости уже все собрались на экскурсию. И тут Клаудиа буквально обескуражила меня еще одной новостью.

– Плаванием я вас удивила, а если я скажу вам, что и в баскетбол я играла, это уже когда я переехала в Италию, вернулась на родину. Сначала совмещала, а потом целиком переклочилась на мяч, захотелось и на площадке показать себя. Азарт захватил. Впрочем, не только азарт. Раскрою вам

секрет.

Кардинале, подняв голову, стрельнула своими очаровательными глазками – как я среагирую на ее тайну.

– В бассейне мы все время в воде, это не пляж, а здесь, на площадке, на виду, во весь рост, причесанные, накрашенные, в красивой форме. И мужчин на баскетбол ходит больше, в Италии же его очень любят, не меньше кальцио. Я к тому времени была уже девушка ничего из себя, да что там – хороша собой, и, конечно, хотелось, чтобы на меня обратили внимание.

Сейчас это привычное выражение – с этого места поподробнее. А тогда захлестнувшее любопытство буквально вырывалось из меня, застыло на лице; без всяких слов было понятно, что меня раздирает интерес, как это с баскетболом произошло и что из этого в итоге вышло. В итоге вышло – чемпионка еще в одном виде и даже приглашение в молодежную сборную.

Переводчица, извинившись, прервала наш разговор, что немного огорчило Кардинале, судя по выражению ее лица, наверное, ей самой приятно было окунуться в свое спортивное прошлое. Но им обоим востро уже махали от дверей гостиницы. Однако и рассказанного оказалось достаточно, чтобы опубликовать в «Советском спорте» материал под названием «Баскетболистка Клаудиа Кардинале», который перепечатали многие зарубежные издания.

Чертовски вкусны вареники

Другая памятная встреча с миром прекрасного случилась много позже. К тому времени я был уже женат, и Ольгу эта встреча весьма расстроила. Она провожала меня на поезд до Будапешта, откуда, пересев на другой, нам нужно было катить в Загреб. Нам – это группе специалистов и журналистов, торопящихся на чемпионат Европы по фигурному катанию. Так вот, на Киевском вокзале жена обомлела, увидев нашу гопкомпанию – четыре мужика, остальные женщины, человек двадцать, все как на подбор, словно в пушкинской сказке, молодые, симпатичные, фигуристые. А что вы хотите – сами вчера еще леди льда, а сегодня все, кроме, кажется, двух, начинающие тренеры и хореографы.

– Знала бы, ни за что тебя не отпустила, – злилась Ольга, нервно дергая меня за рукав дубленки, вот-вот оторвет. – Они еще, наверное, не замужем, смотри, охмурят тебя, опутают тебя цепями Гименя. Мало тебе, что ли, было баб, только в 39 женился. С друзьями летом Серебряный бор столько лет окучивали, и каток в Лужниках. Развода не дам, ты мой крутой нрав знаешь.

Ну, вот вспомнила, зря ей Володя Писаревский наболтал про третий пляж в Серебчиках и каток «Люкс», куда зимой перебирался практически тот же самый развеселый народ, что так любил поплавать именно в этом, и ни в каком

ином, месте Москвы-реки. А что – уютно, зеленая зона, легкие Москвы, песочек, можно поиграть. И доигрывались... до непредвиденных заранее связей или постоянных любовников, а кто с серьезными намерениями – даже женились и обзаводились детьми. Я себя к таким серьезным тогда не относил.

Ольга не ошибалась, почти все барышни были на выданье. Но сокрушаться было поздно. Я расцеловал ее, пообещал вести себя хорошо, помахал на прощанье рукой и двинул в вагон знакомиться с группой, не зная прежде практически никого.

Эх, и веселые были оба те дня, что мы катили до Будапешта. В Киеве, куда поезд прибыл утром, двое мужиков из нашей компании, скрывавшие до поры до времени, кто они и откуда, мы знали только их имена, вдруг сошли на берег, точнее на платформу, и устремились к тележке носильщика, стоявшей прямо у нашего вагона. Они начали сгружать с нее коробку за коробкой и быстро заносить их в свое купе, забив в итоге все свободное пространство.

Чего там только не было, в этих коробках! Их содержимое прояснилось только тогда, когда два этих человека, наконец, раскрыли себя, оказавшись работниками украинского спорткомитета, и пригласили всех к «праздничному столу», растянувшемуся почти по всей длине вагона. Призыв проводниц к порядку не возымел никакого отклика. С них сняли все заботы о нас (чай, печенье, вафли, прочие сладости, в

общем, стандартный поездной набор), сохранив лишь одну – быть подносчиком снарядов, то бишь, чистых стаканов, в которые аккуратно, чтобы не разлить от тряски поезда, плескалась горилка с перцем. Нужно отдать должное – в приемлемых дозах, но вполне достаточных, чтобы разогреть молодую, пышущую здоровьем незамужнюю женскую компанию до требуемого тонуса. Но мысль об этом как-то не просачивалась из головы, естественное мужское желание, дарованное природой, куда-то улетучилось.

События развивались совершенно по иному сценарию, когда следом за бутылками горилки гостеприимные киевляне стали доставать из коробок вареники с разной начинкой, кровавую колбасу и другие творенья украинской кухни. Конечно, и, само собой, сало, слегка присоленное, как же оно пошло с черным хлебом, объединение. К границе, к Чопу одолели лишь половину запаса. Пограничники и таможенники пронеслись по вагону отнюдь не метеорами, чего-то там расспрашивали, проверяя паспорта, куда-то заглянули. А куда торопиться, когда на них не косо смотрят, как на врагов, а зывают к такому столу. Причмокивая от удовольствия, они с жалостью покидали наш вагон, после чего вся компания еще немного покуролесила и дружно завалилась спать, набираясь сил для опустошения другой половины халявной гастрономии. Ее должно было хватить до Будапешта. В общем, тяга к вкусной и здоровой пище затмила главный мужской инстинкт...

Во время чемпионата и вовсе было не до того, все силы отняли переживания за наших ребят, особенно за дуэты в парном катании и танцах на льду. А обратно мы летели самолетом, разными рейсами, киевляне к себе в Борисполь, мы заканчивали свое путешествие в Шереметьево вместе с чемпионами Ириной Родниной и Александром Зайцевым и Людмилой Пахомовой и Александром Горшковым.

Словом, зря моя дорогая, милая женушка ты так волновалась.

А вареники действительно были чертовски вкусны. Особенно с вишней и картошкой! Повторить бы...

Обшарпанная квартира

В Ереване, куда командой Госкомспорта мы летели на помощь в организации матча наших боксеров с американцами, нас встретил в аэропорту олимпийский чемпион Владимир Енгибарян, сразу предупредивший, чтобы не строили никаких планов на вечер, все приглашены в гости к руководителю городской федерации.

Руководитель ереванского бокса, какой-то высокий милицкий чин, крепко пожимал на входе в квартиру руку и, похлопывая по плечу, будто подталкивая, приглашал для знакомства махнуть по рюмке «Двина». Того самого знаменитого 50-градусного коньяка, что так пришелся по вкусу еще с Ялтинской конференции сэру Уинстону Леонарду Спенсеру Черчиллю. Британский премьер-министр не мог отказать предложению Сталина отведать именно эту марку, и с тех пор настолько пристрастился к ней, что обязательно за обедом выкуривал гаванскую сигару (фотографии курящего Черчилля хорошо всем известны) и медленно потягивал из хрустального стаканчика дорогой армянский коньячок, расширяя временные рамки удовольствия. Снимков на сей счет нигде не видел, но забугровая молва доносила, что бутылки «Двина» Черчиллю едва хватало на день. Серьезный был толстячок. На его 75-летие Сталин распорядился отправить в подарок ровно 75 бутылок «Двина», на что име-

нинник среагировал своеобразно и остроумно: я не возражал бы получить из Кремля и 100 бутылок, всего-то надо прожить еще четверть века...

Коньячными бутылками разных марок был уставлен круглый дубовый столик в прихожей. Нашлось место и для «Арени», «Иждевана», других популярных армянских вин, о которых еще Шарль Азнавур говорил, что они заключают в себе все то, что можно ощутить, но нельзя выразить словами. Правда, охотников испробовать оказалось среди нас почему-то меньше, нежели любителей коньяка. Каюсь, я выпил даже две рюмки «Двина», закусывая, как рекомендовал хозяин, холодным персиком, но, если честно, я больше испытываю уважение к традиционному русскому напитку, хотя иногда не прочь побаловаться и солнечным армянским. ... Хорошо помню посещение в студенческие годы московского филиала треста «Арарат», что во дворе дома между Мясницкой и Кривоколенным переулком; в палатке при нем любой коньяк шел по сходной цене, чаще всего, конечно, трехзвездочный, и не надо было бежать в специализированный магазин в «доме скульптора Коненкова» на Тверском бульваре у Пушкинской площади и выстаивать там в длинных очередях. Думаю, у тех, кто стоял в них, вся Армения ассоциировалась именно с заводом «Арарат». Впрочем, не только у них. Легендарный, как сейчас говорят, бренд воздействует на уклад жизни и повышение тонуса, не ведая границ.

Пока рассаживались за длинный овальный стол, и хозяин

произносил традиционный тост (начал на армянском, затем продолжал на русском), я из-за любопытства (давно не был в кавказском доме) старательно осматривал все находящееся в зале и двух прилегающих к нему комнатах, двери в которые были открыты настежь. Изысканные мебельные гарнитуры, картины, очевидно, местных художников и множество аппаратуры – телевизоры, магнитофоны, проекторы, еще что-то. Пригляделся – все они были одной только японской марки «Шарп». Откуда столько, наверное, часто летает в Японию помогать ловить хулиганье и бандитов?

Рядом со мной сидел Юрий Золотарев, начальник отдела бокса Госкомспорта, я толкнул его в бок: «Юрий Егорович, куда мы попали, больно обшарпанная квартира...»

Золотарев не сразу врубился, начал возражать: да ты что, нам бы с тобой по такой, новая или недавно сделан ремонт.

– Ты не понял, взгляни на сервант и тот резной буфет у балконной двери, какая там техника, видишь?

И тут до него дошло. И мы дружно рассмеялись, поймав на себе недоуменные взгляды присутствующих.

Уходя, заглянули на кухню. Холодильник и микроволновка там были той же марки. Не поспоришь – действительно «обшарпанная» квартира, Золотарев был прав – всем бы такую...

Дубленка раздора

Традиционный хоккейный турнир на приз газеты «Известия» с забавным «Снеговиком» на его эмблеме, придуманным, как и сам турнир, известным известинским журналистом Борисом Федосовым, проходил долгое время в лужниковском Дворце спорта. Ежегодно в декабре он собирал в Москве многих самых ярких «звезд» шайбы и клюшки.

В подготовке к культовому по тем временам турниру тщательно продумывались все детали, в том числе объявлялся специальный конкурс для столичных и подмосковных ресторанов на право обслуживать зрительскую аудиторию и аккредитованную публику. Наибольшей популярностью пользовался журналистский общепит. Специальный ресторан для прессы находился на самом верхнем этаже Дворца, для многих он был табу, приходилось мириться с неосуществленной мечтой оказаться там. Действительно «чужим» проникнуть туда, как и вообще в пресс-центр, было крайне сложно, жесткий контроль по всем линиям, однако и своих жаждающих хватало. Ресторан гудел от избытка пищи и снимающей братии. Всего за 4 рубля (вполне щадящая цена по тем временам, а для иностранцев с твердой валютой в кармане вовсе сущий пустяк) можно было вкусно и обильно пообедать – и, что важно, за те же деньги – не в сухую.

Вот это – «сущий пустяк» и «не в сухую» – особенно при-

влекало и вдохновляло скандинавов, их многочисленный десант (больше, чем у кого-либо из иностранцев) регулярно высаживался в декабре в Москве; создавалось впечатление, что они только и ждут этого часа вновь оказаться в знакомых пенатах на верхотуре лужниковского дворца.

Меня больше всего удивляло, что финнов, известных к чрезмерному пристрастию отнюдь не к лимонаду, судя по тому, как они утоляли «жажду» в Питере, за столами в ресторане для прессы уверенно обыгрывали соседи-шведы. Бойцы были еще те. Особенно мне запомнился один шведский фотокор. Каждый раз он изрядно закладывал за воротник, затем с огромным трудом спускался вниз и, покачиваясь, двигался к полю, где повисал со своим аппаратом на бортике (убери эту опору – точно упал бы). Я спросил Бориса Александровича Светланова, известного маэстро спортивного фото, что он в таком виде может наснимать?

– Не волнуйся, у него автомат, только нажимай на «гашетку» и не снимай палец, какие-то один-два нужных кадра его редактор сможет выбрать, а больше и не надо. Редактор с ними на такие соревнования обязательно приезжает.

В Москве стоял сильнейший мороз, да еще неприятный ветер с Москвы-реки, когда в очередной раз этот швед прикатил на турнир. И опять все то же, только с продолжением. На сей раз, прилично набравшись, он никак не мог вспомнить, где оставил свою верхнюю одежду. Долго бродил по затемненному уже Дворцу пока не наткнулся на служебный

гардероб у десятого подъезда, схватил первую попавшуюся ему на глаза дубленку, решив, что она его, из стокгольмского шопа, – и был таков, поплелся к метро «Спортивная».

Следом за ним в гардероб заторопился Николай Чигирин, он, работая с нашей сборной, заведующий клюшками, задержался по каким-то делам. В долгих напрасных поисках бедный Коля никак не мог понять, куда же подевалась его шикарная канадская дубленка (неужто украли, да не может быть?), и, не найдя ответа, вынужден был топтать по тому же маршруту в легкой пиджачке. Путь до метро вроде недолгий, с полкилометра, но на улице минус 25.

Пропажа обнаружилась на следующий день. Швед, на удивление трезвый, прикатил в Лужники с чужой дубленкой и извинениями Чигирин принял их, однако на всякий случай упрятал дубленку в более надежном месте. Не дай бог, кто-то еще повторит подвиг шведа.

...А дубленка его так все это время висела за ширмой в пресс-центре, дожидаясь хозяина.

Путешествие на голодный желудок

Что еще можно вспомнить. Да многое. Как, будучи в Болгарии, «оседлал» верблюда и катался по Китену, это близ Бургаса. Верблюду, видно, надоело долго терпеть меня на своем горбу всего-то за два лева (тогдашняя болгарская валюта), он так и норовил сбросить меня, я с трудом удержался, а, кстати, с немалым трудом и взобрался на него.

Или эта командировка в Забайкалье. Какой же чудесный по природе край! Я был там в мае – самое время расцвета багульника, его пробуждение после зимней спячки; как рассказывали мне местные жители, это своего рода праздник для них – все, суровая зима окончательно отступила и пришла долгожданная весна. Мы поехали на реку Ингоду, и я видел, как постепенно окружающие Читу сопки и леса окрашивались от этих цветов в разнообразье самых ярких тонов, чаще всего в фиолетово-розовые, а воздух был напоен таким ароматом, будто вдыхаешь «Красную Москву» или самые дорогие духи от Шанель. означающий окончательный приход весны и победу над суровой зимой.

(Много позже Людмила Титова, наша олимпийская чемпионка по конькам, выросшая в Чите, так образно, поэтично рассказывала мне о своем родном крае, что захотелось еще раз выбраться туда, но, увы, не получилось. А тогда несколько кустов розового багульника, самого, пожалуй, красивого

я привез с собой в Москву, а затем отправился с ними в Питер, чтобы подарить девушке, за которой в ту пору ухаживал. Да простит меня Ольга за эти воспоминания, до встречи с ней тоже была жизнь).

Насладившись, надышавшись вдоволь запахом багульника и отпив чистойшей минеральной водички из источника близ Читы, собираюсь дальше в путь в Иркутск, предвкушая скорую встречу с Байкалом. Перед отъездом забежал в магазин близ вокзала, чтобы прикупить что-то в дорогу. Полупустые, мягко говоря, прилавки, только на одном из них лежала какая-то колбаса.

– Девушка, можно вот этот кусочек?

Продавщица, пышногрудая ненатуральная блондинка (из-под косынки у нее выглядывали островки темных волос), зыркнула на меня жгуче ненавистными глазами.

– Вы что с луны свалились, колбасы ему нарежьте? – брызнула она в меня слюной. – Давайте талон.

– Какой талон?

– Такой, на серой бумаге с круглой печатью, ишь-ты, герой нашелся, – не унималась в гневе хозяйка прилавка, расстреливая меня своим взглядом.

Никакого талона у меня и в помине не было, да и откуда ему было взяться. Кое-как выпросил четвертинку черствого черного хлеба, и сейчас в вагоне потихоньку надкусывал его, боясь сломать зубы. Мимо замызганных вагонных окон проплывали пейзажи, достойные кисти Левитана. Я уныло гля-

дел на них, никаких чувств и радости они во мне не пробуждали. Какие к черту эмоции на пустой желудок, когда в животе бурлит и лишь одна мысль свербит, понятно какая... А тут еще соседи по купе, едва мы тронулись, повытаскивали из сумок свои домашние съестные припасы, разложили на столике и начали аппетитно, сладко причмокивая, уплетать за обе щеки, вызывая у меня соответствующий рефлекс. Та продавщица брызгала слюной, а я давился ею. И тут меня осенило: а отчего не скооперироваться с ними, у меня же с собой «было», бутылка местного горючего, которой снабдили читинские друзья. Какой же я идиот, что отказался от домашних пирожков с капустой, которые они еще мне активно совали, я отказался, надеясь прикупить на дорогу в магазине. Соседи – на удивление – недолго раздумывали, в общем, клюнули, до сих пор с благодарностью вспоминаю их: не дали парни умереть с голоду.

– Вы из самой Москвы, у вас там тоже жратва по бумажкам?

Я не знал, что ответить, не поверят, если скажу, что Москва тоже не жирует, вспомнил, как попозже вечером мы с соседями по дому подъезжали к гастроному на Большой Бронной и накидывались на все подряд (надо или не надо), что выбросят к закрытию магазина, эти синюшные куры, за которые шла откровенная драка, по одной в руки – и не больше.

За окном продолжали мелькать те же забайкальские пей-

зажи, постепенно они сменились сибирскими, границу, конечно, я не уловил, все одно – дивно. Теперь я с удовольствием набирался новых впечатлений от Бурятии, реки Селенги, пересекающей тайгу, чтобы влиться своими водами в Байкал, железной дорогой, которая ближе к Иркутску вписывалась спиралью в небо.

Как же приятно путешествие на сытый желудок!

Стриптиз в храме культуры

Моя самая первая поездка за рубеж. На чемпионат мира по тяжелой атлетике в Варшаве. Бельведер, парк Лазенки с памятником Шопену, сочиняющему музыку под кроной раскидистой ивы, восстанавливаемый Королевский дворец, разрушенный в войну, Дворец культуры и науки (родная сестра шести московских высоток) – подарок вождя всех народов друзьям полякам.

– Вечерком попозже заглянем туда, – предложил мой польский товарищ Эдвард Вожняк. Он заехал за мной в отель на Раковецкой, бросил на стоянке машину, и дальше мы отправились пешком. Обогнув кафе «Кавказ», оказались на Маршалковской, центральной улице города. Отсюда до Дворца рукой подать.

Смысл предупреждения относительно «попозже» я познал, когда, спустившись по лестнице глубоко вниз, словно в подвал, мы оказались в небольшом тускло освещенном помещении со столиками, которые почти все были уже заняты. Стюард, завидев Эдварда, провел нас к столику на двоих у самой сцены – предусмотрительный Эдвард, как я понял, частый клиент этого заведения, заказал его заранее, но от меня держал в секрете, уже потом я понял, он хотел преподнести мне сюрприз. Но главная неожиданность поджидала дальше. Едва расселись, как на сцене под бравурную музыку появи-

лись сразу три темноволосые красавицы с длинными ногами, обнаженной грудью с малюсенькими наклейками-лепестками на сосках и в том, что с большим натягом можно было назвать трусиками. Поверх плеч, правда, была наброшена вуалевая накидка, которая, однако, из-за прозрачности ничего не скрывала.

Женщины в тот период, когда я за ними активно ухаживал, всегда были для меня сложным кроссвордом, который я пытался разгадать. Проявляя повышенный интерес к особо понравившимся, я мысленно раздевал их, старался представить, что за таинство скрывается за блузкой, кофточкой, платьем или костюмом. Это таинство влекло меня, раззадоривало, возбуждало. А здесь это, так притягивающее, таинство, откровенно вылезало наружу. Говоря сегодняшним молодежным сленгом, я раскатал губу и, ничего себе не фантазируя, каюсь, впился глазами в самые желанные места для мужчин. Природный инстинкт нанес жестокое поражение моим правилам.

– Елки-палки, куда Эдвард меня привел, это же стриптиз. Удружил приятель, спасибо. Не дай бог, кто-то признает – все, хана, кислород перекроют, плакала заграница. Еще и строгача закатят по партийной, мол, неустойчив, поддался буржуазному растлению, тлетворному влиянию Запада. И не надо смеяться.

Вместе с раздраемым любопытством меня вдруг одолевало и некое чувство страха. Проникшая к нам из-за латин-

ского бугра ламбада и та не сразу стала доступной, казалась чересчур сексуальной, за гранью приличия и вне всякой морали, особенно, когда партнер и партнерша в откровенных позах терлись друг о друга. Но она выглядела детским садом в сравнении с этим. Как это можно: стриптиз – в храме культуры, подарке самого товарища Сталина...

Покрутившись сначала меж столиками, а затем на шесте, пани, не смущаясь, сбросили с себя за ненадобностью и этот одежный минимум, остались в чем мать родила, и преспокойно, под восторженное улюлюканье отправилась за занавеску за сценой.

– Ну как? Понравились девочки? Хочешь познакомлю, они недорого берут, если что – я добавлю, – черт его знает, то ли Эдвард явно шутил, то ли подначивал меня. Но мне было не до шуток.

– Да успокойся, Михаил, – Вожняк догадался о моих терзаниях. – Скоро и до вас стриптиз доберется, нельзя же все время жить за захлопнутыми воротами.

Не то, чтобы я чувствовал себя таким запуганным, но железный занавес еще не до конца открылся. Тогда и на огромный рынок, что через мост по ту сторону Вислы, рядом со стадионом, хода не было. Чрево Варшавы, рай для спекулянтов, злачное место, нужно избегать такие. Долгий и нудный инструктаж перед выездом, как себя вести, не ходить по одному и т. д., не вылетал из головы. А на рынок тянуло, на те деньги, что нам меняли на злотые, всего 30 рублей, можно

было по дешевке сторговать джинсы, пусть и самопалы, однако хорошо сшитые, поляки в этом деле мастера.

«В театр не попали, билетов не достали», – поется в оперетте «Белая акация». Так и я: на рынок не попал, джинсы не достал, а в Старе мясте (старом городе, историческом центре польской столицы) набрел на магазин посуды и приобрел столовый сервиз на 12 персон; до сих пор хорошо сохранившийся, он напоминает о том первом визите за кордон.

...Я собирал вещи, когда позвонил Эдвард: «Завтра уезжаешь, может, куда-нибудь сходим на прощание? Есть тут одно шикарное кафе в Лазенках».

– Кафе в следующий раз, если выпустят, а сегодня, может, была не была, двум смертям не бывать, еще раз окультуримся?

– О, пан прозрел. Звоню – заказываю столик.

Так случилось, что в следующий раз я попал на стриптиз спустя много-много лет в канадском Ванкувере. Все было красиво, доступно, девушки-чешки были столь же хороши, как польские, и все-таки он не произвел на меня такого впечатления, как тогда впервые в Варшаве во Дворце культуры и науки.

* * *

Мои мысли, мои скакуны. Все, стоп, скачки закончены. Пора менять тему.

Прикосновение к прошлому или ЭХО МИНУВШЕЙ ВОЙНЫ

Раннее июньское утро. Кто-то усиленно тормозит меня за плечо. Еле продираю слипшиеся от крепкого ночного сна глаза. Сквозь щелочки вижу склонившееся надо мной слегка румяное лицо деда, по которому расплылась добрая улыбка:

– Вставай, арпеус, пора.

Это он мне такую кличку придумал, а еще – арпенариус. Что это такое до сих пор не знаю, но на всю жизнь запомнил. К нему самому в домашнем кругу приклеилось – яичко – с ударением на «я», коллективное творчество гостей, не переводившихся в доме.

– Что, еще дрыхнет? – на помощь деду приходит бабушка. – Ваня, идем завтракать. Без него пойдем, пусть спит.

Бабушка – женщина боевая, с жестким характером, слово свое сдержит, одни уйдут. Они с дедом одноклассники, оба в Гражданскую партизанили в Забайкалье, там и познакомились. После собрания, где деда в партию принимали, бабушка уже в ней состояла, на четыре года раньше вступила, до революции, еще в киевском своем подполье. Это когда дед служил рядовым в Преображенском полку.

Как без меня? Накануне только и разговоров было, что меня берут с собой, и я представлял, как гордо – на зависть

дворовой ребятне – шагаю между ними. Брючки, белая рубашка, галстук наглажены; как раз перед Первомаем приняли в пионеры, я научился так завязывать его, чтобы узел был побольше, так, мне казалось, красивее.

Я сбрасываю с себя на пол одеяло – к неудовольствию бабушки, она не любит это, аккуратистка, все у нее разложено по местам, как положено.

– Мишка, собери постель, – слышу ее голос-приказ, – быстро умываться и за стол.

Успеваю глянуть в окно, небо заволкло, по стеклу стекают тонкие струйки, дождь мелкий-мелкий.

Дед уже при параде – генеральский мундир в орденах: три Ленина, Кутузова I и II степени, это я точно помню, а еще куча медалей. Бабушка в коричневом вязаном костюме, тоже при наградах, седые волосы красиво уложены. Вот так в свой Сокольнический райком партии она ходит на работу.

24 июня 1945 года. Мы идем на Красную площадь на Парад Победы. Сколько лет хранил я эти пропуска, в которые каллиграфическим почерком были вписаны имена деда – Барсуков Иван Антонович и бабушки – Шлаен Роза Ильинична, как самую драгоценную реликвию, и так и не уберег, куда-то пропали. На меня пропуск не требовался, только каждый раз, пока мимо Боровицких ворот, а затем по Кремлевской набережной мы добирались к своим местам на гранитных трибунах между Спасской башней и Мавзолеем Ленина, на каждом милицейском кордоне, когда проверяли до-

кументы, спрашивали: «Ваш внук? Проходите». И отдавали честь – деду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.